

Внешне Собор выглядел заброшенным уже неизвестно сколько лет, но внутри он ярко освещен, красив и аккуратен, и в то же время, по мнению Дункана, на этот ярко освещенный Собор явно накладывается занавес, представляющий «другую истину».

У Дункана возникло ощущение, что этот маленький Собор — как «неправильное пространство», наложенное на реальность, или затерянное место, застрявшее в трещине времени и пространства, где встретились две противоположные истории, но Собор остался в точке их пересечения, и время внутри него с тех пор перестало двигаться.

Пожар не уничтожил его.

Итак... что же знает монахиня, оставшаяся одна в этом Соборе?

— Давненько никто не заходил в этот Собор, — снова негромко повторила монахиня в черной рясе священнослужителя, улыбаясь и глядя вверх, но взгляд ее, казалось, скользнул мимо Ширли и Дункана, стоявших перед ней. — Откуда вы? Незнакомые лица... Вы здесь не живете, не так ли?

Несмотря на приветливую женщину перед ней, Ширли вдруг сжалась под улыбающимся взглядом монахини. Она почему-то почувствовала в груди неприятный холодок и нервно пробормотала Дункану тихим—тихим голосом:

— Я... Почему мне кажется странным это место... Снаружи оно выглядит разрушенным, а внутри...

Дункан не ответил, лишь небрежно похлопал Ширли по плечу. По ее реакции он уже догадался, что она видит только одну из «сторон» Собора, и скорее всего ту, которая не подверглась разрушениям, но он не знал, как объяснить Ширли свою догадку.

Сможет ли Пес с помощью своих «глаз» увидеть, что здесь происходит? — подумал Дункан.

Но, подумав, рассудил: лучше не позволять Ширли призывать Пса, пока он не узнает, что происходит с монахиней.

— Мы проходили мимо, — спокойно сказал Дункан монахине, как обычный житель, посещающий Собор. — Вы были здесь все это время?

— Я? Я всегда жила в этом Соборе, — кротно кивнула монахиня. — Я всегда молилась здесь, Великому Существу.

— Но жители квартала говорят, что монахиня из Собора давно не возвращались, — добавил Дункан, наблюдая за ее реакцией. — Они говорят, что этот Собор давно заброшен, и внешний вид этому подтверждение.

Монахиня выслушала слова Дункана спокойно, без какой-либо реакции, как будто слова не могли поколебать ее спокойный разум.

Она слабо улыбнулась.

— О да, но я была здесь... Вероятно, они забыли о дне молитвы и подумали, что Собор закрыт.

Дункан промолчал, но убедился, что не только с этим Собором, но и со всем шестым кварталом за его пределами что-то не так.

Заброшенный Собор находился в глубине квартала, и, судя по его виду, был заброшен уже более десяти лет! А ведь для обычного человека в этом мире Собор — это не просто место духовного утешения, это объект, служащий для обеспечения безопасности, защиты от сил зла после наступления ночи, а также место исцеления для многих граждан, страдающих от психических расстройств или мучающихся от кошмаров... И столь важный объект вот уже одиннадцать лет стоит заброшенным, а жители шестого квартала не видят в этом ничего такого, а лишь беззаботно констатируют, что «монашка куда-то запропастилась»?

Представьте себе, что в городе одиннадцать лет не будет воды и электричества, но местные жители не чувствуют, что с этим не что-то не так. Посторонние спрашивают их об этом, но те лишь легкомысленно говорят, что «в последнее время водопровод и электричество не работают», вот насколько причудлива эта ситуация!

Что касается монахини... пока Дункан не знал, что это за человекоподобные существа из пепла, что время от времени в его глазах принимали свою первоначальную форму. Но, беседуя с монахиней, он чувствовал, что она, кажется, не испытывает к нему вражды.

Тем не менее, ее разум, кажется, мыслил очень странными формами. Дункан не мог сказать, что она сумасшедшая, но что-то с ней было определенно не так.

Дункан задал несколько вопросов, и монахиня спокойно ответила на них один за другим, и ее спокойные ответы сам по себе... являются воплощением бреда.

Ведь при нормальных обстоятельствах незнакомец, внезапно зашедший в Собор и начавший задавать кучу не относящихся к делу вопросов, должен был бы давно заставить монахиню насторожиться.

Да, она обладала разум — но не более того.

— Вы хотите прочитать молитву? Или нужна помощь в успокоении и экзорцизме? — спросила монахиня с улыбкой и мягким голосом.

— Спасибо, но в этом нет необходимости, — покачал головой Дункан, затем оглядел

помещение и спросил как бы невзначай: — Кстати, а где стражники этого Собора?

В каждом Соборе должны быть стражники, даже самый маленький Собор в трущобах охранял достаточно большой отряд стражников, чтобы справиться с обычными угрозами, и эта не должна была стать исключением.

— Стражники... отдыхают в Соборе, они не показываются до наступления ночи. — Мягкая улыбка не сходила с губ монахини. — А вам что-то от них нужно?

Дункан не ответил, лишь медленно прошелся взглядом по скамьям рядом с монахиней.

В его поле зрения, словно на наложенной друг на друга пленке, повторялось видение пожара, уничтожающего все вокруг, летающих куч пепла, падающих обломков и обугленных тел.

— Они отдыхают вон там? — Дункан поднял руку и указал вдаль, где, на взгляд Ширли, стояло только два ряда пустых скамей.

Монахиня на мгновение замерла и проследила за направлением пальца Дункана, после чего тихо сказала:

— Ш-ш-ш... они спят.

Дункан задумался и снова небрежно спросил

— Мы можем осмотреться?

— Конечно, Собор открыт для посещений, — мягко кивнула монахиня. — Чувствуйте себя как дома, а я продолжу молиться — обращайтесь ко мне, если вам понадобится помощь.

С этими словами странная монахиня развернулась и ушла в сторону стоящей неподалеку статуи Богини, оставив Дункана и Ширли самим себе.

И пока монахиня не ушла, нервничавшая Ширли вздохнула с облегчением. Сейчас она не боялась Дункана, потому что вездесущая странная атмосфера в Соборе уже заставила заволноваться даже Пса, и странное чувство напряжения передавалось по духовной связи прямо в ее сознание, что заставило ее подсознательно наклониться к Дункану.

— Что за чертовщина творится в этом месте... Почему эта монахиня вызывает у меня такое жуткое чувство? Вроде бы она выглядит нормально, но как будто и нет...

— Похоже, здесь два Собора, — тихо проговорил Дункан, объясняя просто и прямо, — один

сгорел, другой остался нетронутым. Они существуют в этом времени и пространстве одновременно, и монахиня... и жива, и мертва.

Ширли обомлела. Прошло целых полминуты, прежде чем она в замешательстве прошептала:

— Что это значит?

Дункан бросил на нее взгляд.

— Вернись и почитай книги — я могу научить тебя читать, если ты не можешь.

Не дожидаясь ответа Ширли, он направился в глубь Собора.

Монахина сказала, что Собор открыт для посещений, так что, конечно, он «посетит» его места по своему усмотрению.

Ширли на мгновение растерялась, но поспешила следом за Дунканом. Они прошли через аккуратно расставленные скамьи, а затем мимо статуи и молитвенного помоста в конце скамей.

Невозмутимая монахиня уже стояла на коленях перед статуей Богини Бурь, слегка прижав руки к груди в благоговейном посвящении Богине, как будто совсем забыв о посетителях, как будто она стояла здесь на коленях последние одиннадцать лет.

Дункан моргнул, и монахиня снова превратилась в клубящуюся массу человекоподобного пепла, сгрудившуюся возле обугленного и разрушенного молитвенного помоста, а из-под купола,, словно опавшие листья, посыпались яркие звезды.

Ощувив внезапный прилив в сердце, он поднял глаза на статую Богини Бурь, возвышавшуюся над ним.

Одетая в длинную мантию, статуя молча стояла на возвышении, а по ее голове шла огромная трещина!

В этот краткий миг Дункан увидел истину. Он ясно увидел, что на голове статуи Богини расцвела огромная трещина. Из нее наружу пробивался слабый хаотичный свет и тень. Она была словно ужасный зрачок, расположенный горизонтально. В глубине зрачка проступал свет, который не должен быть частью реального мира, и аура «святости», которая должна была окутывать статую Богини, уже давно исчезла, только холод и небытие окутывали это причудливое и ужасающее каменное изваяние!

В следующее мгновение эта ужасающая сцена исчезла, а статуя по-прежнему спокойно стояла

на высоком помосте, величественно взирая на окрестности и излучая успокаивающее благоговение.

Монахиня, стоявшая на коленях в молитве перед статуей Богини, вдруг открыла глаза и, слегка наклонив голову набок, спокойно посмотрела на Дункана.

— Не хотите ли вы помолиться Богине?

<http://tl.rulate.ru/book/76198/3487989>